

Новости профессиональной жизни

Международный коллоквиум «Христиан Вольф и русское вольфианство»

21–25 мая 1996 г. в Санкт-Петербурге прошел Международный коллоквиум по теме «Христиан Вольф и русское вольфианство». Он был посвящен 275-летию Академии наук; его организаторами выступили Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН и Санкт-Петербургский филиал Института человека РАН.

Имя Христиана Вольфа (1679–1754) последнее столетие было прочно соединено с такими нелестными определениями, как «плоский», «вульгарный»; его главная «заслуга» виделась в том, что он «опошлил Лейбница»!.. Широкая распространенность системы Вольфа в преподавании и даже в обыденном сознании создавала иллюзию «очевидности» и «неоригинальности» высказанных им идей. Со временем получилось так, что славное и славы достойное имя немецкого философа было вычеркнуто из списка подлинных философских авторитетов, его сочинения у нас не переводились и практически не исследовались.

Вместе с тем в XVIII в. Хр. Вольф был поистине философским кумиром, сначала в Германии, а потом во всей Европе, включая и Россию. Трудно представить себе более популярную фигуру в философском и научном мире того времени. Фридрих II называл его «великим человеком» и «знаменитейшим философом наших дней». Ламетри считал его мыслителем, ничем не уступающим Декарту. О «знаменитом и почтенном докторе Вольфе» без тени иронии писал Вольтер, восхищаясь правильностью его суждений, методом и обширностью познаний. Философские идеи Вольфа Вольтер уподоблял молниям среди глубокой ночи, а его самого — Галилею, пострадавшему за свои убеждения. И. Кант ставил его в один ряд с Платоном и Аристотелем, называя «величайшим из всех догматических философов», считая его философию источником «духа основательности» в Германии. Гегель отмечал «бессмертные заслуги» Вольфа «в деле рассудочно-го образования немцев». Вольф получил звание барона и канцлера, имя его гремело, семь университетов оспаривали право иметь его в числе своих профессоров. Он — член Парижской, Берлинской, Стокгольмской академий наук, Лондонского Королевского общества. Петр I настойчиво приглашал Вольфа в Россию, желая видеть его в числе первых российских академиков. Наряду с И. Бернулли, Р. Реомюром, П. Мопертюи, Вольтером, Д. Дидро, Ж. Даламбером, К. Линнеем, П. Мушенброком, Б. Франклином Хр. Вольф был почетным членом Санкт-Петербургской академии наук.

Лекции знаменитого ученого в Марбургском университете в 1736–1739 гг. слушал М. В. Ломоносов. В те годы Вольф читал курсы всеобщей математики, алгебры, астрономии, физики, оптики, механики, военной и гражданской архитектуры, логики, метафизики, политики, нравственной философии, естественного права, географии, хронологии. Молодой Ломоносов смог тогда получить урок энциклопедического взгляда на мир.

Целью Хр. Вольфа было создание четкой, ясной, однозначной, дидактически прозрачной системы на основе уже имеющегося теоретического и натурфилософского синтеза, а также соответствующих этой системе метода познания и метода обучения, вплоть до конкретных методик. Именно он успешно начал разрабатывать категориальный аппарат новой философии, явился творцом таких широко применяющихся ныне философских терминов, как «дуализм», «плюрализм», «монизм», ввел в научный обиход понятия «психология», «онтология», «телеология» и т. д.

В определенном смысле Вольф был «последним великим метафизиком», и именно в этом качестве он был привлекателен для России XVIII в. Его философия в явном или неявном виде была популярна чрезвычайно, вольфианство преподавалось в российских

университетах фактически на протяжении двух с половиной столетий. Став в Германии своеобразным «философским» Лютером, заставившим немецкую философию говорить по-немецки, он спровоцировал обращение к философствованию на национальном языке и в России. Именно вольфианство положило начало увлечению «западной» философией, создав определенную ценностную парадигму, в которой выстраивали свои рассуждения многочисленные русские вольтерьянцы, руссоисты, а позднее гегельянцы, кантианцы и др.

Коллоквиум начался в Музее М. В. Ломоносова за знаменитым, покрытым зеленым сукном «столом конференцким», стуча палкой по которому, академик Г. Ф. Миллер два с половиной столетия назад доказывал свою правоту в «варяжском вопросе» академику М. В. Ломоносову...

Работа проходила в рамках следующих секций: 1. Христиан Вольф и традиции европейского рационализма; 2. Вольфианство как социальное явление; 3. Христиан Вольф и Петербургская академия наук; 4. Христиан Вольф и рефлексии философского сознания.

Участники коллоквиума выступили со следующими докладами: Е. М. Ананьева (СПб) «Г. Г. Шпет о Христиане Вольфе»; Т. В. Артемьева (СПб) «Русское вольфианство как социальное явление»; Н. Ю. Баложина (СПб) «Идеи Хр. Вольфа в системе преподавания в богословских академиях России и Украины в начале XVIII века»; И. Н. Грифцова (Москва) «Христиан Вольф и логическое образование в России»; А. Дайхзель (Гамбург, Германия) «Петр Великий и Христиан Вольф: размышления о прогрессе»; В. А. Жучков (Москва) «Место Вольфа в истории философии века Просвещения»; Л. И. Лазебный, Л. И. Насонова (Москва) «Вольфианский рационализм и тенденции рационализации русского менталитета»; Э. П. Карпеев (СПб) «Вольфианские тенденции в творчестве М. В. Ломоносова»; А. С. Клюев (СПб) «Музыка в контексте философской рефлексии XVII–XVIII вв.»; В. А. Малинин (Москва) «Россия и Запад: идейные влияния и личные коммуникации»; М. И. Микешин (СПб) «Вольфианство как натурфилософия»; А. В. Панибратцев (Москва) «Г. Б. Бильфингер и его положение в школе Вольфа»; Ю. М. Романенко (СПб) «К вопросу о дисциплинарном расслоении философии (XVIII в.)»; Е. А. Савельева (СПб) «Издания Христиана Вольфа в Библиотеке Академии наук»; Ю. Н. Солонин (СПб) «Хр. Вольф и становление академической философии»; М. С. Уваров (СПб) «Христиан Вольф и современное философское образование»; М. Ш. Файнштейн (СПб) «Материалы, связанные с Хр. Вольфом, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН»; И. П. Фарман (Москва) «Идеи немецкого Просвещения и современные эмансипационные проекты»; И. В. Шевченко (СПб) «Проблема интуиции у Ф. Г. Якоби и традиции классической метафизики».

В конечном итоге участники коллоквиума отметили, что фигура Христиана Вольфа обрела объемы и ожила. Обращение к наследию мыслителя обозначило ряд социокультурных проблем, без осмысления которых невозможно понимание развития философского процесса как на Западе, так и в России.

По материалам коллоквиума издан очередной (третий) выпуск альманаха «Философский век» — «Христиан Вольф и русское вольфианство» (СПб., 1998. — 393 с.)

По материалам коллоквиума издан очередной (третий) выпуск альманаха «Философский век» — «Христиан Вольф и русское вольфианство» (СПб., 1998. — 393 с.)

М. И. Микешин (Санкт-Петербург)

Международная конференция «Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии»

23–26 июня 1997 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная конференция «Просвещенная личность в российской истории: проблемы историософской антропологии». На конференции обсуждались проблемы феномена российского просвещения, а также связанного с этим комплекса идей, определивших особенности культурного развития России в XVIII в. Особое внимание было уделено выявлению особенностей личности просветителя и ее социокультурной детерминации, исторических типов просвещенного человека, просветительской мифологии, утопизма.

Исследования эпохи Просвещения, в частности русского Просвещения, обременены рядом недостатков и предрассудков. Из рассмотрения практически полностью выпали феномен дворянского просвещения и фигура дворянского просветителя. Понятие «просвещение» часто рассматривалось в недостаточном узком контексте, порой как синоним понятий — образование, обучение, иногда даже грамотность. Вне поля исследования оказался исторически изменяющийся субъект просвещения, а также исторически меняющиеся содержание, формы и методы, философско-мировоззренческие основания Просвещения, его национальная российская специфика.

На конференции предполагалось выйти на новый уровень осмысления этих проблем и дать характеристику «просвещенной личности». Рассмотрение эпохи через призму личности, персоналистский подход к анализу данного явления является чрезвычайно плодотворным, особенно когда это касается «золотого века» русского дворянства. Поэтому изучение таких родов, как Воронцовы, Щербатовы, Шуваловы, дает возможность познать эволюцию личности в процессе социополитических и культурных трансформаций. Центральной фигурой, вокруг которой концентрировалось обсуждение, был И. И. Шувалов (1727–1797) — выдающийся культурный и политический деятель елизаветинской и екатерининской эпох.

И. И. Шувалов, которого современники называли «русским послом при европейской литературной державе», «предстателем муз», был не только человеком, богато одаренным, он обладал также способностью реализовывать свои идеи на общественном и государственном поприще. Шувалов выполнял для двора и всего образованного российского общества уникальную культурную задачу по объединению западной и российской культур в одну европейскую культуру. Хорошо известна его роль в организации Академии художеств, Московского университета, первым куратором которого он являлся, его поддержка М. В. Ломоносова. Шувалов состоял в дружеских отношениях с известнейшими интеллектуалами Европы — Вольтером, Г. Гельвецием. Свое личное положение при елизаветинском дворе (Шувалов не имел титула и занимал сравнительно скромное положение в чиновничьей иерархии) он использовал для создания просвещенной среды, для организации *la Republique des lettres*.

И. И. Шувалов был одним из ярких представителей просвещенной элиты. Именно к нему может быть применен идентификационный псевдоним, избранный Ф. И. Дмитриевым-Мамоновым, — дворянин-философ. Это определение достаточно точно обозначает тот сравнительно узкий круг российского общества XVIII в., который производил и потреблял философское и гуманитарное знание. Следует отметить, что философия в то время понималась в самом широком смысле, как метанаука, включающая в себя физику и метафизику, этику и экономику.

В России, где государи просили советов, посылали любезные письма, пригласили на службу или «милостиво жаловали» таких мыслителей, как Г. В. Лейбниц, Хр. Вольф, Вольтер, Д. Дидро, Ж. Л. Монтескье, — быть философом было не только престижно, но и необходимо для того, чтобы поддержать свое реноме в высшем свете. Знакомство с этими мыслителями, с их текстами или хотя бы признание их в качестве авторитетов входило в кастовую систему ценностей. Следует отметить, что и сами интеллектуальные авторитеты Запада охотно общались с русскими аристократами и «сильными мира сего». Хорошо известны истории личных и эпистолярных связей Петра I с Г. В. Лейбницем и Хр. Вольфом; А. Кантемира — с Ж. Л. Монтескье;

И. И. Шувалова — с Вольтером, Д. Дидро, Г. Гельвецием; Екатерины II — с Д. Дидро, Ф.-М. Гриммом, Вольтером; Е. Р. Дашковой с Д. Дидро, А. Смитом; Д. А. Голицына — с Г. Гельвецием, Д. Дидро, Вольтером; Г. Г. Орлова — с Ж. Ж. Руссо.

Дворянин-философ чувствовал себя гражданином мира и принадлежал равным образом к российской и европейской культуре, обеспечивая духовное единство России и Запада. Это наложило отпечаток как на проблематику, так и на формы философствования, которые были далеки от наукообразных трактатов, порожденных философским профессионализмом. Исследовались, конечно, свойственные эпохе метафизические темы (доказательства бытия Бога и осмысление его сущности, выявление происхождения зла, количества субстанций в мире и т. п.), однако помещенные в иной социокультурный контекст, они подчас политизировались, социологизировались или этизировались, что качественно меняло смыслы, выводы и способы выражения философской рефлексии. В особенности это касалось социальной философии, в том числе социального утопизма и историософии. Формирование определенного образа жизни, художественно-эстетического пространства, просвещенной среды — вот «текст», который вписан дворянином такого типа в книгу российской культуры.

Разумеется, «тексты», создаваемые представителями философствующего нобилитета, качественно отличаются от системы логически непротиворечивых дискурсов, производимых в трактатно-риторической форме преподающими «логику и метафизику» университетскими профессорами. Вместе с тем это есть лишь иная форма, иной способ выражения своих размышлений, в соответствии с иным типом коммуникаций, хранения и распространения знания, возможностями его пропаганды. Не говоря о качественном различии интеллектуальной и просветительской деятельности в различных условиях, отметим, что даже возможности дворянского просвещения менялись в зависимости от статуса. Так, мелкий помещик А. Т. Болотов на протяжении десятилетий заполнял своими статьями номера журналов, Н. И. Новиков — полки книжных лавок изданными им книгами, а Петр I создавал Академию наук (1725), И. И. Шувалов основывал Московский университет (1755), а Екатерина II — Российскую академию (1783).

Среди многочисленных групп российского общества XVIII в., включая и такие маргинальные, как преподаватели высших учебных заведений, крепостная интеллигенция, иностранцы на российской службе, ученое монашество, просвещенное купечество и т. п., невозможно найти ни одной группы, кроме дворянства, которая обладала бы необходимыми условиями для свободного философствования. В самом деле, досуг, образование, личная свобода, отсутствие меркантильных установок и непосредственной идеологической зависимости, вовлеченность в мировую культуру, наконец, потребность занять мировоззренческую позицию, возвышающуюся над обыденной и соответствовавшую привилегированному положению в социуме, — все это могло соединяться только в «благородном сословии». Такая ситуация объясняет некоторую тождественность понятий «философ» и «большой барин», «вельможа», характерную для XVIII в. Обыденное сознание часто выделяло философов как некоторую группу в среде дворянства, отличающуюся экстравагантным поведением и особым образом мыслей, ориентацией на западную, прежде всего французскую (реже — английскую) культуру, демонстративным антиклерикализмом, вольтерьянством. С другой стороны, образ философа часто связывался со странностями поведения, ипохондрией и мизантропией. *«Что есть философ и чем рознится философия от всех других на свете вещей? Сколько в нашем народе о сей науке понятия, о сем не нужно пространно говорить. Многие оную называют уединенным житием, а философом того, кто от общества человеческого удален, о котором, хотя он и ничего не делает, говорят: живет де по-философски...»*.

Обыденное представление о философии и философах имело иные смыслы в просвещенной среде, где философ предстает скорее мудрецом или государственным мужем. Г. Н. Теплов в своем сочинении «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» писал: *«В науке философской все то заключается, что человека делает Богу угодным, монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным... Она представляет нам*

близкими дальние следствия некоего положения, которые другой уже по долговременном размышлении постигает».

В статье анонимного автора «О философии», помещенной в «Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости», дается развернутая аллегория, представляющая философа садовником в прекрасном саду, хозяин которого удален от процесса повседневного труда, но следит за ним издалека. Сад обозначает мир, хозяин сада — Бога, садовник, возделывающий свой сад, является философом. С одной стороны, философы «особливый чин составляют», но, с другой, каждый желающий достичь совершенства в своей деятельности «в своем роде философом быть должен». Таким образом, тщательное возделывание сада, достижение успеха на избранном поприще, деятельность, приумножающая славу и богатство хозяина, есть деятельность если и не философская, то осуществляемая философом.

Главным методологическим принципом исследования российского Просвещения является междисциплинарный подход. Феномен просвещения носит полифункциональный и синтетический характер, поэтому в конференции принимали участие представители практически всех гуманитарных наук из Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Парижа и др.

К обсуждению предлагались следующие темы:

1. Просвещенная личность в прошлом, настоящем и будущем;
2. Историческая антропология: эволюция исторических типов личности в России;
3. Философия Просвещения и мифы просветительства;
4. Традиции российского Просвещения и современная духовная культура России;
5. Роль И. И. Шувалова в организации культурного пространства России елизаветинского времени;
6. И. И. Шувалов и Санкт-Петербургская академия наук;
7. И. И. Шувалов и Московский университет;
8. И. И. Шувалов и Академия художеств;
9. Проблема патронажа науки в России: И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов;
10. Собеседник философов: И. И. Шувалов и Вольтер; И. И. Шувалов и Г. Гельвеций;
11. Фаворитизм как культурно-исторический феномен;
12. Род Шуваловых: история и современность.

В конференции приняли участие СПб отделение Института человека РАН, СПб филиал ИИЕТ РАН, Научно-исследовательский музей Российской академии художеств, Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств, Научная библиотека Российской академии художеств, Национальный институт им. Екатерины Великой, Общероссийский благотворительный фонд культуры, науки и искусства «Рос», представители рода Шуваловых.

Организаторы конференции попытались перенести научное обсуждение в культурно-эстетическое пространство эпохи Просвещения. Пленарное заседание проходило под куполом конференц-зала Научно-исследовательского музея Российской академии художеств, перед началом заседания звучала музыка И. Хандошкина (1747–1804) — «Адажио» и «Вариации на тему русской народной песни “Ах, жил я молодец”» в исполнении Г. Мнацаканяна (скрипка) и Дм. Алексеева (фортепьяно). Музыкальная программа была подготовлена М. Н. Щербаковой.

Участников конференции и гостей приветствовали: Е. В. Гришина (директор Научно-исследовательского музея Российской академии художеств), О. А. Еремеев (ректор Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Российской академии художеств), К. Н. Одар-Боярская (директор Научной библиотеки Российской академии художеств). Приветственное слово от имени семьи Шуваловых было произнесено А. И. Шуваловой (Париж).

На пленарном заседании в докладе Е. В. Анисимова (СПб.) «Личность Ивана Шувалова» было рассказано о жизненном пути И. И. Шувалова. Случай выдвинул молодого человека на одно из первых мест в государстве, что не могло не подогревать его честолюбия, однако у него хватило деликатности отказаться от излишних почестей и титулов. Государственные должности он предпочел высокому званию мецената. Шувалов не стремился компенсировать незаконность своего могущества блестящими атрибутами власти и внешнего почета. Он отказался от графского титула, должности сенатора, обширных поместий с населением до 10 тыс. душ. До конца царствования Елизаветы он

оставался «генерал-адъютантом, от армии генерал-поручиком, действительным камергером, орденом Белого Орла, Святого Александра Невского и Святой Анны кавалером, Московского университета куратором, Академии художеств главным директором и основателем, Лондонского королевского собрания и Маоритской королевской Академии художеств членом». Скромность Шувалова была не столько особенностью его характера, сколько типом поведения, обусловленным своеобразием положения этого фаворита при дворе. Неординарная манера поведения выделяла Шувалова из ряда титулованных вельмож и подчеркивала его исключительность еще более выразительно, чем орден и звания. Роль покровителя наук и искусств, а позднее, — «русского посла при общевропейской литературной державе», по выражению Н. Голицына, была для него более привлекательной, нежели высокие государственные посты.

О вкладе Шувалова в становление системы развития русской академической художественной школы говорилось в докладе Е. Б. Мозговой (СПб) «И. И. Шувалов и Академия художеств». Л. Н. Целищева (СПб) рассказала о его роли в формировании коллекций музея (доклад «И. И. Шувалов и Музей Академии художеств»).

Во время посещения Научной библиотеки Российской академии художеств участники конференции познакомились с собранием книг И. И. Шувалова по искусству. А. Г. Обрадович (СПб) в докладе «Собрание книг Шувалова в научной библиотеке Российской академии художеств» отметила, что И. И. Шувалов передал сюда свои личные книги, которые послужили основой академической библиотеки. Существующие архивные документы позволяют установить перечень шуваловских книг. Это собрание почти полностью сохранилось до нашего времени. Оно состоит в основном из гравированных работ большого формата (XVII–XVIII вв.) на французском, итальянском и других иностранных языках. Богато иллюстрированные издания по архитектуре, живописи, скульптуре, религии, истории, анатомии служили незаменимыми наглядными пособиями для студентов Академии художеств. В настоящее время выявлено около 120 томов шуваловского собрания.

Во второй половине дня 23 июня в Домовой церкви Академии художеств отец Александр отслужил панихиду по И. И. Шувалову.

На секции «И. И. Шувалов — личность и круг общения» Н. А. Копанев (СПб) в сообщении «Камергер Жуан Жуанович де Швалафф» исследовал культурно-политические контакты И. И. Шувалова. Доклады Е. В. Пчелова (Москва) «Некоторые генеалогические связи И. И. Шувалова» и А. В. Краско (СПб) «Родословие Шуваловых» осветили генеалогию славного рода.

Шувалов, более чем кто-нибудь другой, мог называть себя гражданином мира — мира, населенного людьми просвещенными — писателями, художниками, философами, с удовольствием принявшими его в свое сообщество. Среди собеседников-корреспондентов Шувалова такие выдающиеся личности, как Антуан Тома, один из создателей жанра «похвальных слов», госпожа Жоффрен, маркиза дю Деффан, аббат Галиани, герцогиня де ла Вальер, граф де Карамон, госпожа де Жанлис, госпожа Неккер, Бюффон, кардинал де Берни, лорд Честерфильд, Даламбер и др. Именно через Шувалова Екатерина II обратилась к Дидро с предложением перенести издание запрещенной во Франции «Энциклопедии» в Россию, он также служил посредником в переговорах о приглашении Даламбера воспитателем наследника российского престола.

В докладе А. Нивьера (Париж) «И. И. Шувалов в отзывах его французских корреспондентов» было отмечено, что на восприятие общественно-политического положения Франции и французской философии определенное влияние оказал В. М. де Карамон (1727–1800), близкий друг И. И. Шувалова. Ж.-М. Рено (Дюнкерк) в докладе «И. И. Шувалов и Вольтер» познакомил аудиторию с историей взаимоотношений Шувалова и Вольтера по поводу написания «Истории Российской империи при Петре Великом». Этот исследователь с иронией отнесся к тому факту, что Вольтер называл себя «секретарем» Шувалова, поскольку пользовался советами Шувалова и материалами по истории России, подготовленными им с помощью российских историков. Т. В. Артемьева (СПб), напротив, в сообщении «Дворянин-философ как писатель истории» утверждала, что роль Шувалова в этом альянсе была первичной. Соединение в одном че-

ловеке широких знаний и власти предполагало не только иные масштабы, но и качественно иной способ деятельности, нежели деятельность ученого «классического типа». Просветитель брал на себя прежде всего роль инициатора и организатора, а иногда даже и спонсора. Т. В. Артемьева воспользовалась следующей аналогией. Композитор испытывает потребность в интерпретации своего замысла, он нуждается в музыканте, способном извлекать божественные звуки из своей скрипки или флейты, ему необходимы партнеры и аудитория... Дворянин-философ брал в руки инструмент, доступный немногим, — своего рода «дирижерскую палочку». Это предполагало не только высочайший профессионализм в творческой интерпретации культурной «партитуры», но и незаурядные организаторские способности.

«Музыкантом» такого рода был И. И. Шувалов, волею случая в эпоху Елизаветы и уже не случайно в эпоху Екатерины ставший писателем российской истории и виртуозно исполнивший «концерт для Вольтера с оркестром». Т. В. Артемьева показала, что в переписке с Шуваловым великий французский мыслитель сформулировал основные положения своей философии истории.

В докладе Д. Н. Костышина (Москва) «Дипломатические поручения Екатерины II И. И. Шувалову (из истории российско-ватиканских отношений)» на базе новых документов рассматривался вопрос об отзыве папского нунция А. М. Дурини из Варшавы и о возложении этого дипломатического поручения на И. И. Шувалова и на сардинского короля.

Особое внимание было уделено анализу эпистолярного наследия Шувалова. Переписка в XVIII в. — это не только средство межличностной коммуникации, но и способ личного самовыражения и самопознания. Выступления продемонстрировали, что анализ одних и тех же текстов может вести к различным результатам и выводам, в зависимости от исходных исследовательских позиций. Так, в выступлении Б. А. Градовой (СПб) «Переписка И. И. Шувалова с сестрой кн. П. И. Голицыной» анализировался прежде всего корпус автографов, хранящихся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки. Собрание писем раскрывает трогательные и тонкие отношения между братом и сестрой, их привязанность друг к другу, душевную близость. Стиль этой личной переписки, где авторы не столько описывают события, сколько делятся переживаниями по поводу этих событий, предвещает стиль сентиментализма. В докладе В. М. Круглова (СПб) «Лексические заимствования в письмах И. И. Шувалова к сестре» переписка Шувалова сделана объектом лингвистического исследования. Докладчик отметил, что для истории русского литературного языка конца 40-х гг. XVIII в. характерны изменения лингвистических теорий. Изменились задачи языкового строительства, которые видятся теперь не в отказе от употребления славянизмов, а в создании гармонично сочетающегося в себе славянские и русские элементы самодостаточного литературного языка, равного другим языкам Европы. На первый план выходит борьба с заимствованиями. Докладчик показал, насколько лингвистическая теория получила отражение в речевом обиходе деятелей елизаветинского времени, в речи нефилологов. В письмах Шувалова 1763–1771 гг. к сестре наблюдается ограниченное употребление заимствований. Встречаются преимущественно лексемы, известные еще с петровского времени, т. е. уже более или менее устоявшиеся: «адресовать», «архидюшесса» (эригерцогиня), «ассамблея», «аудиенция», «вексель», «визит», «климат», «комплемент», «мануфактура», «персонально», «претензия», «рапорт», «характер». Из более поздних — фиксирующееся в русской транслитерации с начала 1730-х гг. — «куртаг», а также заимствования елизаветинского времени «почтамт» и «петиметр». Обращено внимание на встретившееся нетранслитерированное *maitre d'hotel*.

Отдельного комментария потребовало слово «флегматик» («Иван Григорьевич мой флегматик сидит дома, а я везде хожу во всяком городе») в связи с возможным варьированием в XVIII в. оценочных коннотаций. На это указывают материалы картотеки «Словаря русского языка XVIII века» (ИЛИ РАН, СПб). Еще со времен Гиппократов известно учение о четырех темпераментах, природу которых видели в излишнем количестве в организме человека определенной жидкости: красной крови — у сангвиника, желчи — у холерика, флегмы (воды) — у флегматика, черной желчи — у меланхолика.

В русском языке слово «флегма» в значении «вода», «слина» появляется в текстах второй половины XVII в., слово «флегматик» зафиксировано уже в Лексиконе Ф. Поликарпова (1704). По представлениям начала XVIII в., «флегматик» — слабый и ленивый человек. Кантемир в примечаниях к переводу «Разговора о множестве миров» Фонтенеля указывает на то, что флегматики находятся, как правило, в дурном расположении духа: «*Такого составу люди обыкновенно через меру тихи, печальны, задумчивы, пасмурны, редко веселы*». В системе просветительской этики, идеалом которой провозглашается умеренность, флегматик, напротив, становится едва ли не воплощением добродетели: «По темпераменту флегматики кажутся мне всех более способнее к добродетели», — писал Я. Козельский в «Философических предложениях», а Н. Яновский в своем «Толкователе» отмечал, что они имеют «*нрав кроткой, приветливой, тихой*» (1803). Снисходительное отношение к флегматикам возрождается с распространением сентиментализма, ведь лишены чувствительности, они «*не живут, а дремлют в свете*» (Н. М. Карамзин).

В докладе Е. Н. Марасиновой (Москва) «Письма И. И. Шувалова» представлен социально-психологический портрет их автора. И. И. Шувалов рассматривается как представитель интеллектуальной элиты. Докладчик указал, что мотивационная сфера автора писем в 1750-е гг. сводилась к традиционным ценностям «верного и ревностного слуги Ее Величества и Отечества». В переписке отражен тяжелый душевный кризис, связанный со смертью императрицы Елизаветы. Во время путешествия по Европе у Шувалова происходит формирование и актуализация новых ценностных ориентаций, практически совпадавших с приоритетами образованного фрондирующего дворянства последней трети века. Они выражались в стремлении к удалению от большого света; снижению значимости богатства и чиновничьей карьеры; в чувстве патриотизма, осознанного вне понятия «ревностной службы» императрице, идеализации тихой, спокойной жизни в деревне, противопоставлении истинной дружбы с «благородными людьми» и родственниками «хитрости» людей, ищущих в отношениях только «собственной пользы».

В выступлениях Н. Н. Коршуновой (Москва) «Московские друзья И. И. Шувалова» и Л. В. Полагутиной (СПб) «Иван Шувалов и круг его общения» рассматривался круг знакомств и социальных связей И. И. Шувалова. Французское «направление» контактов и связей было рассмотрено особенно подробно. В докладе С. Н. Короткова (СПб) «И. И. Шувалов и граф Шуазель-Гуфье» говорилось о последнем как об известном ученом и дипломате, жившем в России в 1793–1802 гг. Он был первым директором Публичной библиотеки и четвертым по счету президентом Академии художеств. Докладчик выявил некоторые особенности просвещенной личности XVIII в., провел ряд параллелей между И. И. Шуваловым и героем своего сообщения, подчеркнул, что история отношений Шувалова с французскими эмигрантами в России представляет особый интерес.

Материалом для выступления В. С. Ржеуцкого и В. А. Сомова (СПб) «Жан шевалье Дезессар, московский гувернер и писатель (из истории французских контактов И. И. Шувалова)» стал анализ рукописи, хранящейся в Отделе рукописей РНБ, принадлежащей перу француза по имени Жан Дезессар. Рукописи предпослано посвящение И. И. Шувалову, позволяющее датировать сочинение началом 1760-х гг. Основными темами этого произведения стали: роль Петра I в истории России; образ француза глазами русского; Семилетняя война и роль в ней России; издательское дело в Голландии и т. д. Анализ этого сочинения позволяет сделать вывод, что оно — одно из пропагандистских произведений, написанных либо по инициативе, либо с благословения И. И. Шувалова.

Секция «Предстатель муз» была посвящена роли Шувалова в организации Академии художеств и иконографии самого мецената. Е. В. Карпова (СПб) в докладе «Скульптурные портреты И. И. Шувалова» говорила о гипсовом бюсте Шувалова (ГРМ), выполненного Н. Ф. Жилле (1709–1791), которого сам Шувалов пригласил в 1757 г. для преподавания в Академию художеств. С именем Шувалова были связаны также мраморный барельеф 1771 г. (ГТГ), исполненный Ф. И. Шубиным (1740–1805) в

период пребывания в Риме. Шубину, земляку Ломоносова, Шувалов оказывал особое покровительство, начиная с 1761 г. Благодаря этому скульптор получает в Риме немало заказов. Он также автор бронзового барельефа на надгробии Ивана Шувалова в Александро-Невской лавре и гипсового отлива с него в собрании ГРМ.

В сообщении Д. А. Никитина (СПб) «К вопросу о прижизненной иконографии И. И. Шувалова» на примере анализа прижизненных изображений Шувалова была предпринята попытка выявить две основные линии в развитии его иконографии, связанные с официальной репрезентацией и раскрытием индивидуально-личностных качеств в камерных формах.

В выступлениях Р. В. Головенковой (СПб) «И. И. Шувалов и пенсионерство в Академии художеств», а также Д. Н. Костышина (Москва) «Новые документы к биографиям архитектора В. И. Баженова и живописца А. П. Лосенко (из истории Академии художеств)» освещалась проблема патронажа молодых талантливых художников. Д. Н. Костышин, в частности, анализировал мотивы решения Шувалова отправить Лосенко в Россию, а Баженова — в Рим.

Сообщение Т. И. Беловой (СПб) «И. И. Шувалов и П. Ротари» было посвящено малоизвестным страницам взаимоотношений Шувалова и итальянского художника, работавшего в России, деятельность которого явилась одним из источников создания «шуваловской» Академии художеств. Роли Шувалова в организации Академии художеств был посвящен также доклад С. В. Моисеевой (СПб) «И. И. Шувалов и преподаватель-иностранцы в Академии художеств конца 50–60-х гг.».

В центре внимания выступления А. В. Бекасовой (СПб) «Фарос молодых вельмож (И. И. Шувалов за границей: 1763–1777)» — стратегия образовательного путешествия российских дворян за границу во второй половине XVIII в. Российские юноши могли завершить образование в одном из известных в то время европейских университетов и одновременно просто попутешествовать. Успех каждого такого семейного предприятия зависел и от того, насколько успешно была организована система надзора за молодыми людьми, находящимися вдали от родительского дома. Оставаясь за границей длительное время, Шувалов опекал многих юных вояжеров. Среди них был племянник — Ф. Н. Голицын, старший сын экс-гетмана А. К. Разумовский. Анализируя переписку Шувалова с графом К. Г. Разумовским и сестрой княгиней П. И. Голицыной, докладчица показала, как работал механизм «родственного контроля» во время пребывания юношей в чужих краях.

Е. Б. Белодубровский (СПб) в сообщении «Шувалов — прототип одного из героев пьесы М. В. Ломоносова “Тамира и Селим”» познакомил слушателей с интересным предположением. Как известно, указанное сочинение в какой-то степени оказалось отражением спора Ломоносова с академиками-немцами — Шумахером, Таубертом, Миллером и др. В одном из частных писем профессор А. И. Доватур, который был одним из авторов-составителей многотомного академического собрания М. В. Ломоносова, высказал предположение, что некоторые монологи положительных героев трагедии отражают беседы и переписку Ломоносова со своим новым другом И. И. Шуваловым, в котором Ломоносов надеялся найти поддержку при Императорском дворе в своей борьбе за «русскую Академию». Высказанное предположение подтвердилось обращением непосредственно к текстам.

М. И. Солоухина (СПб) в докладе «И. И. Шувалов в Петербурге» провела своеобразную «экскурсию» по петербургским адресам Шувалова. С докладом «И. И. Шувалов в Москве. По воспоминаниям и материалам «Московских ведомостей» выступила З. В. Гришина (Москва). Она отметила роль Москвы в жизни Шувалова, обратила внимание на то, что наиболее систематизированную информацию о его московской жизни во время службы при дворе Елизаветы Петровны содержат знаменитые «Записки» Екатерины II. Материалы газеты «Московские ведомости» дают возможность установить, что после возвращения из-за границы И. И. Шувалов впервые побывал в Москве летом 1779 г., затем приезжал летом 1780 г.

Проблеме российского благородного салона как центра дворянской культуры были посвящены доклады Т. Е. Смольяниновой (СПб) «Салоны Ивана Ивановича и Андрея

Петровича Шуваловых и их французские культурные контакты в эпоху Просвещения» и И. В. Канторович (Москва) «Салон Ивана Ивановича Шувалова — первый в истории России литературный салон». В последнем сообщении были определены роль и место салона И. И. Шувалова в становлении российской салонной культуры, была уточнена дата возникновения такого салона — начало 1780 гг.

На секции «Просвещенная личность и эпоха Просвещения» была проанализирована роль Шувалова в организации и функционировании высших учебных заведений России XVIII в. «Просвещенное покровительство» было необходимым элементом этого процесса. Указанному сюжету были посвящены доклады Г. А. Тишкина (СПб) «И. И. Шувалов и Петербургский университет», А. В. Панибратцева (Москва) «Предыстория Московского университета», И. П. Кулаковой (Москва) «И. И. Шувалов и Московский университет (тип просвещенного покровительства)», А. С. Орлова (Москва) «И. И. Шувалов и основание Московского университета», А. М. Хлопникова (Москва) «И. Ф. Буле — продолжатель шуваловских традиций в Московском университете начала XIX в.». Было отмечено, что роль Шувалова в организации Московского университета гораздо значительнее, нежели считалось ранее.

М. Ш. Файнштейн (СПб) в сообщении «И. И. Шувалов и Российская Академия» рассказал о малоизвестном факте научной биографии И. И. Шувалова, который принимал активное участие в создании первого академического лексикона русского языка — «Словаря Академии Российской» (1789–1794), подготовив для него слова на букву «Э». Кроме того, И. И. Шувалов выступил с предложением издания Академией научного журнала, всецело посвященного изучению и истории русского языка.

Т. М. Головина (Москва) в докладе «Книги из личного собрания И. И. Шувалова в Научной библиотеке МГУ» отметила, что в Отделе редких книг и рукописей хранится собрание книг И. И. Шувалова, состоящее из 453 томов. Это часть его личной библиотеки, унаследованная П. И. Голицыной. До 20-х гг. XX в. она находилась в имении Петровском под Москвой. Почти все книги имеют на кожаном переплете суперэкслибрис: монограмму Шувалова «IS» и герб рода Шуваловых. Книги имеют владельческие записи И. И. Шувалова, П. Б. Шереметева, А. А. Матвеева, Ф. Н. Голицына, И. Шишкина и др. В основном это издания на французском языке 20–50-х гг. XVIII в. по истории, западноевропейской литературе, философии, дипломатии.

В выступлении А. И. Комиссаренко и А. Е. Чекуновой (Москва) «Граф П. И. Шувалов — руководитель и реформатор военного дела в России. 1756–1762» освещена роль одного из представителей семейства Шуваловых — графа Петра Ивановича Шувалова (1710–1762), известного своей активной деятельностью в сферах государственного управления и экономики. С его именем связана одна из важнейших реформ российской торговли — отмена с 1 апреля 1754 г. внутренних таможен. Предлагая правительству многочисленные финансово-экономические записки и проекты, П. И. Шувалов был уверен в том, что «главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад», а власти следует стремиться к «свободному познанию мнения общества». В период Семилетней войны (1756–1762) П. И. Шувалов, будучи одним из высших военных деятелей страны, ввел усовершенствование в артиллерии, в частности в гаубицах. Менее изучена его роль в руководстве русским военно-инженерным делом, передовой уровень которого тогда же был признан всеми военными специалистами Европы. П. И. Шувалов явился реформатором военно-инженерного образования, инициатором использования последних достижений военной инженерии. После реорганизации инженерные войска внесли особый вклад в победу России над Пруссией на полях сражений Семилетней войны.

Особое внимание было уделено роли личности М. В. Ломоносова и его взаимоотношениям как с Шуваловым, так и с другими персонажами эпохи. Э. П. Карпеев (СПб) в сообщении «И. И. Шувалов и М. В. Ломоносов» рассказал об истории их взаимоотношений, не укладывающихся в классическую схему «меценат—клиент». Их встреча оказалась плодотворной для обоих: у них сложились общие интересы, направленные на пользу Отечеству. Ю. В. Стенник (СПб) в сообщении «М. В. Ломоносов — просветитель елизаветинской эпохи и Екатерина II» отметил значение ломоносовских идей не

только для «елизаветинского», но и для «екатерининского» этапа развития просветительской мысли. В XVIII в. Ломоносов и Екатерина II выступают как ключевые фигуры двух качественно различных этапов русского Просвещения. Ломоносов явился основным идеологом концепции «просвещенного абсолютизма», какой она воплотилась в политике Петра I. Деятельность Ломоносова в этом отношении носила практический характер, будучи ориентирована на конкретные нужды страны. Просветительская политика Екатерины II во многом основывалась на теоретических постулатах французских мыслителей XVIII в., с рядом из которых она поддерживала прямые связи. Для Екатерины очень важно было общественное мнение, поэтому, стремясь действовать в рамках доктрины просвещенного абсолютизма, она постоянно следила за тем, какое впечатление ее политика производит на Западе. Это наложило печать двойственности на многочисленные акции императрицы, внешне служившие благо подданных и содействовавшие просвещению. Особенно наглядно позиции Ломоносова и Екатерины в области просвещения проявляется при сравнении их сочинений — трактата Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа» и главы XII из «Наказа» Екатерины «О размножении народа в государстве». Объединенные одной и той же темой, эти сочинения разительно отличаются в подходе к осмыслению проблемы и намечаемых путей ее решения. С момента своего вступления на престол императрица относилась к ученому настороженно, но способствовала реализации его широких проектов и замыслов.

В докладах В. И. Шеремета (Москва) «Социокультурное Время и Личность. Россия, XVIII век», А. П. Богданова (Москва) «Царь Федор Алексеевич: философ на троне», Л. У. Звонаревой (Москва) «Энциклопедизм Симеона Полоцкого как общественная позиция: новый подход к взаимоотношению науки и искусства», М. И. Микешина (СПб) «Сюжеты исторической персонологии: М. С. Воронцов» прозвучали размышления о роли «философствующей личности» в культурной жизни эпохи и о необходимости обращения к культуре прошлого с позиций исторической антропологии и исторической персонологии.

На секции «Культура елизаветинской эпохи» участники обратились к более общим проблемам философии, культуры и искусства. Обсуждались доклады С. Т. Махлиной (СПб) «Елизаветинское барокко: общее и особенное», М. Н. Щербаковой (СПб) «Музыка елизаветинского времени», Е. А. Овчинниковой (СПб) «Этические учения елизаветинской эпохи», А. И. Новикова (СПб) «Антиох Кантемир: поэзия и философия», М. М. Сафонова (СПб) «Екатерина II в борьбе за престол», Е. В. Ершовой (Москва) «И. И. Шувалов и Н. Н. Поповский», И. А. Лаврухиной (СПб) «Выставка "Ломоносов и елизаветинское время", организованная М. Н. Врангелем в 1912 г.». Участники конференции характеризовали людей, подобных Шувалову, как философов, представителей интеллектуальной элиты. Г. Ю. Литвинцева (СПб) в выступлении, озаглавленном «Тип русского интеллигента XVIII столетия (на примере жизнедеятельности И. И. Шувалова)», рассмотрела «дворянский этап» формирования интеллигенции в России.

В выступлении Т. А. Лисицыной (Новгород) «Исторический смысл фаворитизма» был рассмотрен этот весьма важный для России XVIII в. феномен. Было отмечено, что он стал необходимым звеном исторического движения общества от состояния холопской зависимости людей к самоутверждению новационно-лидерского самосознания. Своими истоками соответствующий термин восходит к библейскому преданию о свете, озарившем Иисуса Христа на горе Фавор и указавшем апостолам на божественную суть их учителя. «Фаворский свет» несет в себе две содержательные компоненты: духовную наполненность и интеллектуальную предпочтительность. Из этих двух предпосылок возникает преображенная (лучезарная, светоносная) личность фаворита как воплощение ума, просвещающего озарения и духовной красоты. Эта исходная модель получает конкретно-историческое наполнение, трансформируясь в своем содержании — от пророчествующего шарлатана до гениального провидца. Внезапное, не регламентированное продвижение индивида в высшие эшелоны власти, выявляет субъективно-личностную природу фаворитизма: это проекция межличностных отношений на общегосударственном уровне, это тень личности в официальных структурах

власти. Острая потребность власти в творческих личностях, обеспечивающих новационность исторического процесса, диктует необходимость «скоростных лифтов» социального возвышения новых лидеров общественного развития. В этом плане «фаворитизм» выступает как антииерархический элемент социальной жизни. Представляя свободную индивидуальность в структурах власти, фаворит в большей степени служит идейному смыслу эпохи, чем лично правителю. Он предназначен для принятия свободных, ответственных решений, право которых даровано ему не только высшей волей социальной иерархии, но и личными организационными и интеллектуальными способностями. Созидательный дар — главный талант фаворита. В свою очередь интенсивность новационного процесса и его результаты определяются способностью данного общества к сознательному культивированию духовной элиты.

В докладе Е. А. Орешниной (СПб) «Маркиза Помпадур — меценат (женщины-фаворитки в XVIII веке)» было подчеркнуто, что XVIII в. часто называют «веком женщин», и действительно, общественная роль женщин в то время возрастает. Если говорить именно о фаворитках, то их влияние особенно велико во Франции при дворе Людовика XV.

На круглом столе «Проблемы историсофской персонологии: эпоха через призму личности» участники конференции обсудили возможные направления изучения духовного опыта прошлых эпох. Было отмечено, что существуют различные методологические подходы, позволяющие выявить закономерности и особенности общественного развития — от «формационного», обращенного к социально-экономическим «основаниям», до «эстетико-художественного», ориентирующегося на «вершины» стилистического своеобразия в развитии искусства. Каждый из этих подходов, позволяющих увидеть эпоху под определенным углом, тем не менее не дает общего впечатления, ибо историческое целое всегда противоречиво, непоследовательно, нерационально, как и сама жизнь. Обращение к прошлому через призму личности дает возможность сохранить определенную цельность и гуманистический характер такого исторического восприятия, когда исследователь не пытается увидеть в прошлом действие одной силы — божественной, природной, экономической, классовой или какой-либо иной, не объясняет исторические события однозначно и одномерно, но обозначает полифонизм и сложность проблем, для решения которых необходимы не только использование новых методов, но и объединение специалистов различных направлений.

Было отмечено, что анализ личности И. И. Шувалова дал возможность выявить ряд особенностей мышления и мироощущения эпохи, которые не могли быть осмыслены при ином подходе. Он, как и многие другие просвещенные «сильные мира сего», обладал особым талантом — талантом заказчика, а не исполнителя, инициатора, а не профессионала, ценителя и любителя, а не автора. Однако именно такие люди воплотили ту общественную потребность, без которой не движется вперед наука и не рождаются произведения искусства.

Конференция закончилась посещением выставки «И. И. Шувалов и его время» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. На выставке были представлены автографы переписки И. И. Шувалова с сестрой кн. П. И. Голицыной, племянником кн. Ф. Н. Голицыным, В. Гамильтоном и другие документы того времени. Среди них подлинный диплом на графское достоинство К. Г. Разумовского с подписью Елизаветы Петровны. Характерно, что графский герб изображен на фоне Академии наук. Демонстрировались первое прижизненное собрание сочинений М. В. Ломоносова в стихах и прозе (с его портретом), подготовленное при участии И. И. Шувалова, первая публикация писем Ломоносова Шувалову в Полном собрании сочинений 1784 г. Отдельная витрина была посвящена материалам, которые использовал Вольтер для работы над «Историей Российской империи при Петре Великом». Среди них — известное письмо М. В. Ломоносова И. И. Шувалову (1757); письмо И. И. Шувалова Я. Я. Штелину с просьбой поскорее перевести на французский язык анекдоты о Петре Великом; сборник рукописных и печатных материалов, полученных Вольтером; французское издание «*Histoire de L'Empire de Russie sous Pierre le Grand*» из личной библиотеки Вольтера и его русский рукописный перевод, сделанный студентом Московского университе-

историософской антропологии» (СПб., 1997. — 223 с.). Данный сборник содержит только часть материалов, представленных участниками конференции. Вторая часть готовится к выпуску; в ней будут собраны материалы, прямо или косвенно посвященные «юбилейному центру» — И. И. Шувалову и «елизаветинской эпохе».

М. И. Микешин (Санкт-Петербург)

Юбилей запуска первого искусственного спутника Земли *

30 сентября — 1 октября 1997 г. в Вашингтоне был проведен симпозиум, посвященный 40-летию запуска первого искусственного спутника Земли (ИСЗ)**.

Работы участников симпозиума освещают преимущественно социальные аспекты развития космических программ в СССР, США и западноевропейских странах. Весьма показательны взгляды западных исследователей на историю создания советской космической промышленности, советской, американской и западноевропейских научных программ и на взаимоотношения ученых и государственных чиновников разных стран в период становления исследований космического пространства на спутниках. Материалы этого симпозиума позволяют сравнить пути развития космических программ в государствах с различными общественно-политическими системами.

В первой части симпозиума были заслушаны четыре доклада по теме «Советский Союз и спутник». Питер Горин (*Peter Gorin*) в сообщении «Поднимаясь из колыбели» рассмотрел, как в Советском Союзе развивались представления о возможности запуска ИСЗ, как они влияли на общественное сознание и использовались советскими политическими деятелями в первой половине нашего века.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 96-06-80284) и Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 97-03-04218).

** *Reconsidering SPUTNIK. Forty Years Since the Soviet Satellite. Washington, D.C. September 30 – October 1, 1997.*

Асиф Сиддики (*Asif Siddiqi*) в докладе «Королев, спутник и Международный Геофизический Год» восстановил структуру организаций СССР, подготовивших запуск первого ИСЗ, проанализировал взаимоотношения создателей первого ИСЗ с руководителями советского государства, принимавшими решение о запуске, остановился на причинах возникновения «космической гонки» между СССР и США.

Джеймс Харфорд (*James Harford*) в выступлении «Тройная игра Королева: спутники 1, 2 и 3» прокомментировал развитие советской ракетной техники в течение 1946–1958 гг. Он показал, как политическая реакция мирового общественного мнения на запуск первого ИСЗ повлияла на развитие космических программ СССР и США, рассмотрел основные исторические события начала космической эры: предсказание К. Э. Циолковского о возможности запуска ИСЗ, создание советской ракеты Р-7 — носителя для первого спутника, развитие программ запуска первых американских ИСЗ «Авангард» и «Орбистер».

Эндрю Алдрин (*Andrew Aldrin*) в сообщении «Государственная программа, бюрократическая ловкость или научная автономия? Процессы определения политического курса и бюрократические структуры, влиявшие на запуск первого спутника» сконцентрировал внимание на процессе принятия различными советскими государственными организациями и высшими должностными лицами решения о запуске первого искусственного спутника Земли. Этот процесс анализируется на основе теории «собственников и наемных рабочих» («*Principals and agents*»). В роли «собственников», с точки зрения автора, выступали руководители советского государства, а в роли «рабочих» — создатели ракет, спутников и бортовой научной аппаратуры. Докладчик пришел к своеобразному выводу о том, что одной из причин, сделавших реальным запуск первого ИСЗ, был слабый контроль высших чиновников за ходом развития советской программы создания ракетного оружия. Это дало С. П. Королеву возможность пользоваться достаточной свободой действий и в результате осуществить свой замысел — создать ракету, способную не только нести ядерный заряд, но и выводить на орбиту искусственный спутник Земли. Его запуск состоялся благодаря открытию «политического окна» — сочетанию целого ряда таких факторов, как решение о проведении Международного Геофизического Года (МГГ, 1 июля 1957 г. — 31 декабря 1958 г.), заявление Д. Эйзенхауэра (1955 г.) о намерении запустить американский ИСЗ, что послужило началом космической гонки. Все это позволило С. П. Королеву убедить руководителей СССР в необходимости первыми осуществить запуск ИСЗ.

Во второй части симпозиума, посвященной теме «Космос и Международный Геофизический Год», Кеннет Осгуд (*Kenneth Osgood*) в докладе «Национальная безопасность и формирование американской политики в области космоса, 1953–1957 гг.» оспорил сложившееся мнение о том, что администрация Д. Эйзенхауэра недооценивала общественно-политическое значение запуска первого спутника. По мнению автора, многие государственные структуры и высшие должностные лица США в 1953–1957 гг. хорошо представляли возможное использование запуска ИСЗ как средства демонстрации своим союзникам и третьим странам национального и научно-технического превосходства США в борьбе за лидерство на международной арене. Поэтому они считали, что американский спутник должен быть запущен ранее советского. Чтобы не выглядеть средством милитаризации космоса, спутник должен был нести возможно большее количество научной аппаратуры и не иметь отношения к программе запусков баллистических ракет. По этой причине в качестве носителя ИСЗ была выбрана ракета «Авангард». Однако ее первые неудачные запуски не позволили выполнить эту задачу. Как утверждает автор, американская политика в области исследования космического пространства как до, так и после запуска первого советского ИСЗ была закономерным продолжением развития «холодной войны».

В выступлении Дуэйна Дэй (*Dwayne Day*) «Тайные истории и скрытые планы» основное внимание было уделено влиянию на запуск первого американского спутника Земли администрации Д. Эйзенхауэра с ее желанием использовать спутник для разведывательных целей. Американская программа запуска ИСЗ во время Геофизического Года использовалась для проверки возможности полетов разведывательных спутников над

территорией СССР. Чтобы отвлечь внимание общественности от разработки этой программы, президент США одобрил запуск первого гражданского ИСЗ. После этого ЦРУ, которое руководило разработкой таких военных программ, как исследования по созданию ракет «Polaris» и полетов над СССР самолетов-разведчиков U-2, выделило несколько миллионов долларов на проведение на борту искусственных спутников Земли научных экспериментов. Докладчик отметил конкуренцию различных структур ВВС, ВМФ и армии США, готовивших запуск ИСЗ, а также влияние первых советских спутников на последующую подготовку американских космических разведывательных проектов.

Рип Балкли (*Rip Bulkeley*) в докладе «Спутники и Международный Геофизический Год» осветил историю организации первых исследований на спутниках по международной программе МГГ. Основное внимание было уделено процессу обмена научными данными между национальными комитетами по проведению МГГ Советского Союза, США и международными научными организациями, координировавшими исследования, начиная с октября 1954 г., когда Американский комитет МГГ предложил осуществить запуск ИСЗ. В выступлении были рассмотрены политические причины, мешавшие плодотворному сотрудничеству исследователей разных стран.

Дэвид Снед (*David Snead*) в выступлении «Спутник, комитет Гайтера (*Gaither Committee*) и усиление “холодной войны”» проанализировал секретный доклад, подготовленный группой американских военных экспертов под руководством Гайтера через несколько дней после запуска в СССР первого искусственного спутника Земли. В этом докладе содержался перечень мер для усиления обороноспособности США, разработанных в качестве ответа на этот запуск. Доклад оказал существенное влияние на администрацию президента Д. Эйзенхауэра и близкое к правительственным кругам сообщество американских ученых. Несмотря на большие финансовые затраты, по рекомендациям комитета уже к июлю 1958 г. были увеличены дальности полета американских ракет всех видов: межконтинентальных, среднего радиуса действия и запускаемых с подводных лодок. Их количество в дальнейшем также возросло. Были рассредоточены самолеты стратегической авиации. Рекомендации этого доклада использовались и в дальнейшем развитии оборонных программ США, вплоть до гибели Джона Кеннеди.

Бывший специальный консультант Линдона Джонсона, председатель трех сенатских комитетов по космосу в 1958 г. Эйлин Гэллоуэй (*Eilene Galloway*) в сообщении «Меры правительства США по организации использования космического пространства в 1957–1958 гг.» реконструировал историю образования американских и международных организаций — таких, как Национальный комитет США по аэронавтике (*NACA*), МГГ, Национальное агентство по космосу и аэронавтике (*NASA*), Комитет ООН по мирному использованию космического пространства (*COPUOS*) и др. Их создание стимулировалось запуском первого советского ИСЗ, а целью стала координация усилий по мирному использованию космического пространства. В докладе было рассмотрено взаимодействие исполнительной и законодательной властей США в области использования космоса, а также работа ООН по созданию международной законодательной базы, касающейся использования космического пространства в мирных целях.

В своем выступлении Гретхен ван Дайк (*Gretchen Van Dyke*) «Политический инструмент и символ политической кампании в 1960 г.» рассмотрела влияние запуска советских ИСЗ на президентские выборы в США 1960 г. В предвыборный период Демократическая партия и ее консультативный совет (*Democratic Advisory Council*) выступили с критикой Д. Эйзенхауэра в связи с недостаточным вниманием к обороноспособности страны. По их мнению, это привело к образованию «ракетной брешии» — существенному отставанию Америки в ракетной области. Этот тезис позволил Дж. Кеннеди набрать «дополнительные очки» в предвыборной президентской гонке.

Доклад известного физика Дж. Симпсона (*J. Simpson*) «Открытие космической эры: наследие Международного Геофизического Года» завершил второй тематический раздел симпозиума. Автор был одним из двенадцати членов Специального комитета МГГ (*CSAGI*), координировавшего научные программы 67 стран-участников. Он руко-

водил научными экспериментами на первых американских ИСЗ илунной ракете. В докладе была восстановлена картина ключевых политических и научных событий, которые привели к решению СССР и США запустить ИСЗ в рамках программы МГГ. Дж. Симпсон отметил, что СССР еще в сентябре 1956 г. предоставил полную информацию о параметрах орбиты и частоте радиопередатчика планируемого ИСЗ. Однако официальные представители США не отнеслись к этому сообщению серьезно.

Специальный тематический раздел симпозиума был посвящен вопросу о влиянии запуска первого советского ИСЗ на страны Западной Европы и НАТО. Джон Криге (*John Krige*) в докладе «Создание третьей космической силы: реакция Западной Европы на Спутник в начале космической эры» показал на примере Великобритании, как это событие до 1960 г. влияло на развитие ракетной программы стран Северо-Атлантического блока. Инициатива по проведению запусков английских высотных ракет исходила от их создателей и была подхвачена британским научным сообществом. Для решения научных задач предполагалось усовершенствовать военную ракету «*Blue Streak*». Основное внимание уделялось научным исследованиям и поддержанию государственного престижа, а не достижению военных целей. Тем не менее половина средств на реконструкцию ракеты выделялась из оборонного бюджета. На дальнейшее развитие английской ракетной программы существенным образом повлияло сотрудничество с США, которое несло отпечаток «холодной войны». Политические противоречия с американскими союзниками, проблемы финансирования, нежелание слишком сильно зависеть от США в столь перспективной с военной и научной точек зрения области исследований заставили Великобританию присоединиться к созданию европейской ракеты-носителя ИСЗ, образовать «третью космическую силу», противостоявшую чрезмерному влиянию США в Европе.

Гийом де Сьон (*Guillaume de Syon*) в выступлении «Спутник и Франция: миссия по распространению цивилизации?» исследовал влияние запуска первого спутника на Четвертую республику с октября 1957 г. до мая 1958 г. Отсутствие такой, как в США, паники из-за «советской военной угрозы» после запуска первого спутника объясняется тем, что Франция и ранее находилась в пределах досягаемости советских ракет. Значительное влияние Французской коммунистической партии, обострение отношений с НАТО, провал французской «миссии по распространению цивилизации» в Алжире отвлекли внимание средств массовой информации от возможных военных последствий запуска первого ИСЗ. Франция создала собственное космическое агентство (*CNES*) через 4 года после запуска первого спутника. Однако быстрой реализации высокого научного потенциала в виде национального спутника мешала нехватка финансирования и недостаточное развитие организационных структур.

В выступлении Лоренса Каплана (*Lawrence Kaplan*) были освещены дипломатические усилия США по преодолению раскола среди союзников по западному блоку, вызванного запуском первого ИСЗ.

Последний тематический раздел симпозиума был посвящен анализу долговременных последствий запуска первого ИСЗ. Кэтлин Льюис (*Cathleen Lewis*) в докладе «От иконы до созданного человеком инструмента: историографическое путешествие по материалам, посвященным простейшему спутнику» привлекла внимание к проблемам, которые возникают перед западными историками, изучающими события, связанные с запуском первого советского ИСЗ. Большое количество материала об огромном влиянии этого события на многие стороны общественной жизни делает этот спутник своего рода «иконой», символом «космической гонки» между СССР и США. Но опубликованные воспоминания о создании спутника часто несут отпечаток влияния советской идеологии. Это снижает интерес к таким историческим источникам, а объективные архивные материалы немногочисленны даже в работах российских исследователей. Отсутствуют данные о том, кто, как и почему непосредственно изготавливал спутник, своими руками создавал первую космическую технику. Между тем изучение «материальной истории» ИСЗ как созданного человеком вещественного объекта помогло бы понять влияние современной техники на политику.

Влияние первого ИСЗ на развитие советской (ныне российской) космической индустрии рассматривалось в докладе Уильяма Берри (*William Barry*) «Спутник и создание советской космической промышленности». Анализировались основные черты в развитии советской и американской космической индустрии. Повышенная секретность советских работ в этой области приводила к тому, что всем ходом работ управляли лишь несколько лидеров. Это не позволяло осуществлять эффективный контроль на каждом этапе. Отмечается значительная роль Совета главных конструкторов, который позволял координировать усилия различных коллективов и обходить бюрократические препятствия при создании первого ИСЗ. Несмотря на то, что конкуренция не являлась характерной чертой развития советской космической промышленности, имело место соперничество между С. П. Королевым, В. П. Глушко и М. К. Янгелем. При этом создатели космической техники использовали свои связи в высшем руководстве СССР. Поэтому смена лидера государства приводила к существенному изменению приоритета той или иной разработки.

По мнению Джона Дугласа (*John Douglass*), автора выступления «Надежное будущее: американское высшее образование и выживание нации», еще одним долговременным следствием запуска первого советского ИСЗ явилось его влияние на американскую систему высшего образования. После 4 октября 1957 г. наука и образование превратились в главную арену противостояния СССР и США. Предметом обсуждения широкой общественности стала необходимость изменений в системе государственного финансирования образования. Начали разрабатываться программы повышения роли университетов и американской науки как средств экономического роста и противостояния в «холодной войне».

В докладе Гленна Ханстедта (*Glenn Hanstedt*) «Спутник и технический сюрприз», наряду с основными событиями американской программы запуска ИСЗ, были рассмотрены причины, по которым запуск первого советского ИСЗ оказался столь неожиданным для правительственных чиновников США и вызвал огромный резонанс в общественном мнении. Автор считает, что большинство из этих причин было обусловлено процессами, происходившими внутри Соединенных Штатов. Так, заявление Советского Союза о намерении запустить спутник было воспринято в США как пропагандистский трюк. При выборе направления развития военных программ американские аналитики считали, что Советский Союз, как и США, в качестве основного средства доставки атомных бомб будет использовать самолеты, а не ракеты. В связи с этим получаемым Соединенными Штатами сведениям о развитии советской ракетной программы не уделялось должного внимания. Считалось, что в этой области США имеют заметное техническое превосходство, и поэтому фактору времени не придавалось значения. К тому же президент США полагал, что чрезмерные финансовые затраты на подобные программы могут ослабить обороноспособность страны. Американские аналитики ждали со стороны СССР каких-либо «военных сюрпризов» или неожиданных дипломатических акций для поднятия советского национального престижа. Запуск первого ИСЗ оказался качественно новым явлением — «техническим сюрпризом», который в США не предвидели.

На симпозиуме также были заслушаны доклады Р. З. Сагдеева «Размышляя о спутнике» и С. Н. Хрущева «Долгосрочный вклад Советского Союза в исследование космоса».

И. В. Завидонов, В. В. Темный

Российско-немецкий коллоквиум

«Петербургская академия наук и школьное дело в России XVIII в.»

30–31 января 1998 г. в Галле (ФРГ) состоялся коллоквиум «Петербургская академия наук и школьное дело в России XVIII в.». Заседания проходили во *Franckesche Stiftungen zu Halle* — учебно-педагогическом комплексе, основанном в 1698 г. немецким педагогом-пиегистом Августом Германом Франке и отмечающем в нынешнем году свое 300-летие.

Со вступительным словом к собравшимся обратился директор *Franckesche Stiftungen* П. Раабе, который подчеркнул значение Галле как одного из основных центров русско-немецких контактов в XVIII в. С докладом «Школы и образование в России в XVIII в.» выступил крупнейший специалист по истории России XVIII в. Э. Доннерт (Германия). Он проследил процесс создания и развития светских школ в России и особо остановился на школьных реформах Петра I. Г. И. Смагина (Россия) в докладе «Петербургская академия наук и российской школа в XVIII в.» рассказала о значительном вкладе Петербургской академии наук в развитие школьного образования.

Три доклада были посвящены истории академической гимназии. О хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН материалах по истории основания и деятельности академической гимназии в первой половине XVIII в. рассказал В. С. Соболев (Россия). О. В. Иодко (Россия) посвятила свое выступление первым руководителям академической гимназии — академиком И. Х. Колю, Г. З. Байеру и И. Э. Фишеру. В. Хинче (Германия) обратился к проекту реорганизации академической

гимназии, составленному в 1733 г. академиком И. Э. Фишером.

Большой интерес вызвало сообщение Г. Мюльфордта (Германия) о распространении педагогических идей А. Г. Франке в России в 1698–1831 гг. Докладчик остановился на вопросах приглашения в Россию учителей, подготовленных во *Franckesche Stiftungen*, их педагогической деятельности в России (и особенно в Прибалтике), использования в российской школе учебников, составленных пиегистами, и методик обучения, разработанных в Галле.

Н. Декер (Германия) обратилась к истории медицинского образования в России в XVIII в. Некоторые страницы истории немецких школ в Петербурге были освещены в докладе И. Кестнер (Германия). Формам и методам обучения служащих для государственных учреждений России в конце XVII — начале XVIII вв. посвятила свое выступление О. В. Ноховатко (Россия).

Заседание завершилось общей дискуссией. С заключительным словом выступил В. Хинче.

Своеобразной иллюстрацией к теме коллоквиума явилось посещение большой выставки, рассказывающей о 300-летней истории школ и учебно-просветительских учреждений, основанных А. Г. Франке. Для российских участников была организована экскурсия в Цербст, где можно было не только познакомиться с достопримечательностями города, но и посетить музей, посвященный императрице Екатерине II.

Г. И. Смагина (Санкт-Петербург)

Украинско-американский семинар по истории науки

23–25 марта 1998 г. в Киеве на базе Центра исследований научно-технического по-

тенциала и истории науки им. Г. М. Доброва Национальной академии наук Ук-